

**VII ЯЛТИНСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ. «ГУМАНИТАРНЫЙ ДИСКУРС В
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЕ»**

Мокренцов Д.С.

кандидат филологических наук, доцент ФГАОУ ВО Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского «Гуманитарно-педагогическая академия», г. Ялта
yaschik_pandory@ukr.net

**АНТИУТОПИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ ОБРЕЧЕННОСТИ МЕССИИ В
ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДРАМЫ В. ВИННИЧЕНКО «ПРОРОК»)**

Аннотация: во времена моральных и социальных катаклизмов в обществе непременно возникает интерес к исключительным личностям, которые владеют сверхприродными способностями. Главный герой драмы Амар – неординарный человек, который наваял на массы общественный психоз, решил взять на себя сложную роль новоявленного Мессии – духовного, морального да и физического врачевателя утомлённого человечества. Амар действительно владеет необычными, недоступными человечеству возможностями: мог сдвинуть силой энергетической мысли скалу, остановить машины, снять электрический ток на смертном кресле, оставаясь при этом живым и невредимым.

Драматург показал трагизм человека, который осмелился взять на себя роль заместителя Бога на земле, миссию перекаривания устоявшихся общественных норм сосуществования. Амар, хотя и неординарная личность, но временами он и гневается, и выражает свои амбиции, в конечном итоге, плотские страсти ему тоже не безразличны.

Драма «Пророк», написанная в период назревающих общественно моральных катаклизмов, – это своеобразная драма-притча о блуждании человека в лабиринтах земного бытия, о его трагических ошибках в духовно моральном выборе, в поисках социально этических гармоний, общественных и моральных идеалов. Это и исповедь самого автора о собственном болезненном познании истины. Драма «Пророк» – это свидетельство о достижении большим мастером вершины мирового модерна в жанре социально психологической, политической драматургии. Не без основания в «Пророке» видят и жанр драмы-антиутопии.

Амар у В. Винниченко растворяется в людях, по причине глубокой веры в их доброту, перестав быть настоящим пророком. В заботе о человечестве он слышал Глас Господень, однако, сойдя со стези праведности и поддавшись эмоциям, он решил позаботиться о человеке, что привело его к грехопадению. Он отошёл от истинных целей увлекшись человеческой любовью – потерял целомудрие, а вместе с ним и Божью любовь. Амару ничего не остается, как завершить начатое хождение, правда теперь не от имени Бога, а по повелению и зову технократического устройства цивилизации, совершая злодеяние в том, что заставил поверить человечество в силу любви плотской, а не Божьей.

Экспериментальная драматургия писателя остается такой до конца: не только его Мессия делает очередной эксперимент со Вторым Пришествием, но и с ним самим делают эксперимент – от технического к психологическому.

Следует отметить, что идейный фанатизм у В. Винниченко был заимствованным из европейской культуры, о чём свидетельствуют его ранние пьесы. Тип национального пророка – пророк «из любви». Так, в драме В. Винниченко пророк Амар вынужден умереть ради любви к окружающим, и на свою смерть он просит благословение у женщины, которую полюбил. Таким образом пророк Амар, вобрав себя больше восточных черт и действующий иностранной

сюжетной линии, все же наполнен более выраженными чертами славянского пророка, чем предыдущие герои драматических произведений В. Винниченко

Ключевые слова: утопия, антиутопия, пророк, идейное пророчество, пьеса, драма, мессианство, Мессия.

К первым антиутопиями можно отнести трактат Т. Гоббса «Левиафан» (1651), роман С. Батлера «Эревуон» (1872), а Е. Замятин рассматривал антиутопию исключительно как художественный феномен XX в., предшественником которого был Г. Уэллс, автор социально-фантастических романов. Ю. Кагарлицкий указывает о постепенном формировании жанра антиутопии, когда стали подвергаться сомнению и критике идеи и принципы, имевшие фундаментальное значение для утопии. По мнению Ю. Кагарлицкого определяющей чертой жанра является кризис исторической идеи, чем и объясняется активное распространение антиутопии в XX в. – в которой представлена любая угроза связанная с человечеством. Эволюцию жанра четко подметил Ч. Уолш – «От утопии к кошмару»¹.

Термин «антиутопия» ввел Е. Замятин. Он считал, что социально-фантастические романы Г. Уэллса отличаются от утопий, назвав их социальными памфлетами в структуре самого фантастического романа.

К основным чертам жанра антиутопии можно отнести постоянные попытки прогнозирования апокалиптического будущего и весь пафос от предостережения этого нежелательного будущего. Чаще всего антиутопия рассматривается как социально-философская модель будущего, в которой тенденции реальной жизни доведены до логического абсурда. По мнению А. Близнюк, рассматривая драму-антиутопию как один из жанров эпической драматургии выделяет ее основную черту – предупреждение о возможном опасном будущем.

Без сомнений драма В. Винниченко «Пророк» свидетельствует о безоговорочной победе капиталистического общества над духовным миром и его ценностями. Неоднозначность образа пророка и его коммуникация с окружающим миром представлены автором в контексте пророческой драмы. Благодаря своей неоднозначности, деяния пророка и его самоубийство отличают драму В. Винниченко «Пророк» в жанровом аспекте от традиционных трагедий У. Шекспира, Р. Бертонна, Н. Бретона, Д. Герберта, Ж. Расина и др. представителей классической драмы.

В первую очередь когда заходит речь о смерти пророка, тут следует говорить о мистерии и ее жанровых разновидностях, таких как миракль и моралите. Для русской драмы начала XX в. эти жанры использовались как символизм, так и экспрессионизмом. В пьесе Л. Андреева «Анатэма», как ее еще называют, новой вариации «Фауста», перед нами представлен пожилой еврей Давид Лейзер, искушаемый князем тьмы. Анатэма предлагает Давиду взвалить на себя бремя Спасителя, раздав бедным только что полученное огромное наследство, и Давид соглашается. В результате, как выяснилось, его состояние оказалось не достаточно большим, чтобы хватило на всех бедняков, и в своем неистовстве толпа побивает камнями своего пророка, еще недавно бывшего человеком, а впоследствии и Мессией. Автор произведения показывает в образе Давида неудовлетворенность тем, что он имеет, ведь ставши пророком ему захотелось большего – стать Творцом, вершителем судеб человеческих – главным героем мистерии. Он даже пытается оживлять мертвых, будучи героем миракля пытается сменить жанр на мистерию, в чем и претерпевает неудачу.

В своей повести «Жизнь Васлия Февейского» Л. Андреев изображает священника, который возомнил себя Всевышним и пытается воскрешать мертвых переводя жанр «жизни» в

¹ Літературознавчий словник-довідник/ Р.Т. Гром'як, Ю.І. Ковалів та ін. – К.: ВЦ «Академія», 1997. – 752 с.

жанр «жития». Такой эксперимент оказался неудачным для героя, и он умирает. В своем произведении Л. Андреев показывает модель идейного фанатизма, когда любая положительная идея, связанная с улучшением жизни либо спасением всего человечества становится важнее самой жизни. Эта черта плавно переходит в неонатурализм, от которого не отказывается и В. Винниченко. Уделяя внимание не столько гендеру, сколько противостоянию идейному фанатизму любого сорта «живой жизни», которая в то время могло составить мощную оппозицию идейному мессианству.

В своем творчестве В. Винниченко Но объединяет его с русским неонатурализмом, и именно с драматургией неонатурализма того же Андреева или Арцыбашева, а не исключительно с прозой, не только и не столько внимание к «проблеме пола» – это внешняя черта, а противостояние идейному фанатизму любого рода «живой жизни», которое на то время единственное могло составить мощную оппозицию идейному мессианству¹. Однако последнее все же принципиально отличается от пророчества хотя бы уже тем, что для пророка важна не любая идея, а идея духовно-религиозная. «Честность с собой», идея «пробного брака», несмотря на все уважение к ним, – лишь подступы к пророчеству, которое неонатурализм не мог постичь из-за своей чисто биологической заинтересованности. Это было под силу лишь другому направлению – экспрессионизму.

В конце 1920-х гг. у русских драматургов была популярной тема самоубийства. Так, В. Маяковский стал не только поэтом-самоубийцей, а и автором обещанной В.Э. Мейерхольду по договоренности и к сожалению не осуществимой «комедии с самоубийством». Мотив самоубийства у В. Мейерхольда представлен в пьесах «Клоп» и «Баня».

В пьесах А. Платонова и Н. Кулиша также представлена данная тема. Ведь ориентация на возможный иллюзорный мир, к которому так сильно стремятся герои драматургов, обращаясь к всевозможным видениям, снам, воспоминаниям, что позволяет более детально и широко описать развитие утопии XX в., ведь, по словам персонажа пьесы Н. Кулиша, «коммунизм – это только большая мечта потомственного человечества»².

Исходя из поэтики экспрессионизма в мотиве самоубийства Божьего пророка четко очерчена линия гибели всего человечества, а точнее очередной победы всех демонических сил над силами добра. Так, творчеству Л. Андреева присущи дьявольские образы Анатэмы и Некто в сером, такая же демоническая канва присуща и творчеству М. Булгакова. В пьесе «Адам и Ева» представлен образа Дарагана – авиатора, вынесшего смертный приговор своему спасителю.

Образу Райта в пьесе-антиутопии В. Винниченко присущи черты демонического происхождения. Став искусителем Амара, Райт вынуждает пророка совершить непростительный грех – самоубийство, который в европейской религиозной канве рассматривается как нечто отвратительное и прискорбное – человеческая слабость и ничтожность. Ведь каждый человек, пришедший в этот мир, должен взять свой крест и нести до конца – до своей кончины, ибо бремя жизни, данное каждому человеку не является чрезмерным. В образе Аара можно увидеть пророка, впитавшего в себя смесь восточных религий, ему присуща экуменистическая религиозность. Как известно, для восточных религий зло во спасение – добро. Так и самоубийство Амара может быть оправданным, ведь данное деяние он совершает ради спасения всего человечества и воспринимается им самим как подвиг. Пророк Амар у В. Винниченко – восточный пророк, и Райту это известно, и даже смерть может быть обыграна как положительное явление. Основываясь на взаимодействии восточной и европейской идеологии и вероисповедании, драма В. Винниченко становится достаточно

¹ Гусар-Струк Д. Винниченкова моральна лябораторія// Сучасність, 1990. № 7–8. С. 27–33.

² Куліш М. П'єси. – К.: Наукова думка, 2001. – 368 с.

современной в эру Восточного терроризма, который воспринимает подвигом – самоубийство в священной войне. Данная особенность пьесы-антиутопии может рассматриваться не только с религиозной позиции, но и с политической.

Хоть В. Винниченко и притягивали восточные культуры «постоянные увлечения на протяжении всей жизни духом восточных культур»¹, тем не менее ему удалось сохранить европейский тип мышления. Так, в его драме в роли соблазнителя предстает классический апокрифический искуситель, желающий зла всему человечеству, убеждает пророка покончить с собой ради дальнейшего процветания общества, в чем проявляется модерная рефлексия восприятия зла – добром. Хотя абсурдность данной идеи, построенной на иллюзорности ни у кого не вызывает вопросов. Вера, построенная на иллюзии – временна.

В своей драме «Пророк» В. Винниченко хоть и развивает тему о Великом инквизиторе из романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы», однако в отличии от Христа Достоевского и Его Втором Пришествии, которое совершенно ненужно человечеству, ведь и без Него Церковь заботиться о своей пастве, герой Винниченковой драмы хоть и утратил способности глашатая Божьего проведения, рупора и гласа Господнего, тем не менее он остается лишь обычным человеком. В жанровом аспекте драма В. Винниченко развивается и действует в пределах моралите, не смотря на то, что ей присущи апокрифические параллели искушения Христа в пустыне.

У Г. Кайзера в драматургической трилогии «Ад – Путь – Земля» показана не совсем удачная попытка апокалипсиса. У него меняется жанр от моралите к мистерии, а его герой Художник из обычного персонажа постепенно превращается в вождя, пророка нового времени, спасителя людских душ. Он берет на себя миссию вывести людей на новый этап развития, становится разоблачителем зла и в конечном итоге исчезает, растворившись в небе и оставляя после себя голос в мощной мировой симфонии строительства вселенной. Винниченковому пророку для этой же цели понадобились специальные технические устройства.

Амар у В. Винниченко растворяется в людях, по причине глубокой веры в их доброту, перестав быть настоящим пророком. В заботе о человечестве он слышал Глас Господень, однако, сойдя со стези праведности и поддавшись эмоциям, он решил позаботиться о человеке, что привело его к грехопадению. Он отошёл от истинных целей увлекшись человеческой любовью – потерял целомудрие, а вместе с ним и Божью любовь. Амару ничего не остается, как завершить начатое хождение, правда теперь не от имени Бога, а по повелению и зову технократического устройства цивилизации, совершая злодеяние в том, что заставил поверить человечество в силу любви плотской, а не Божьей. Без сомнений перед нами представлен загнанный со всех сторон бывший Божий посланник, и единственный выход, который он видит из сложившейся ситуации – красивая смерть, правда к сожалению лже-пророка. В своей последней проповеди он балансирует между правдой и обманом, и этим напоминает лже-пророка Гелена из драмы Леси Украинки «Кассандра». Гелен говорит людям то, что они хотят услышать, и этими манипуляциями получает человеческое одобрение, признание и похвалу.

Так, сходит на нет великая эра амарства. Хотя она и смогла продлить на некоторое время свое существование, но даже смерть – ради счастливой жизни человечества оказалась профанацией, ведь не имела никакого Божьего замысла. Вместо Божьего орудия Амар становится «орудием технократической элиты, которая хочет таким способом управлять миром: для нее важен хоть и фальшивый Бог, но такой, в которого бы верила слепая масса»².

Говоря о коллективном сознании следует отметить тот факт, что наиболее значимым для такого сознания является не суровая реальность, а скорее прогнозируемая радужная иллюзия,

¹ Винниченко В. Анотована бібліографія (Упорядник В. Стельмашенко). – Едмонтон, 1989. – 147 с.

² Танюк Л. До проблеми української пророчої п'єси// Сучасність, 1992. № 2. С. 130–141.

что и становится основой для принятия массой. Так, большинство всегда хочет быть обманутым на подсознании ради лучшего будущего, и оно бесспорно всегда обмануто. Этот обман представлен и в драме В. Винниченко «Пророк».

Каков же смысл Винниченковского предостережения?

Лишившись пророка Амара Винниченко смело заявляет о новых смыслах своей пьесы, когда ведущую роль играет уже не Божий пророк, а обычный человек – лидер нового времени, взявший на себя новую роль – спасителя человечества. Сама специфика новой веры Амара свидетельствует о том, что простой человек способен изменить мир и саму жизнь, а для этого ему необходимо пройти весь жизненный путь с его потрясениями, страданиями, потерями, ведь ему это под силу.

Хоть и по логике драмы В. Винниченко невинной жертвой должен стать Рама, апостол, не предавший первоначального учения, понимающий все зло и лживость перерождения веры в нечто новое, тем не менее трагедия обходит его судьбу стороной. Роль искусителя отведена Райту, который убеждает Амара в необходимости «замолчать» как пророку, ради собственной безопасности, что в конечном счете и произошло. Обращаясь к Амару, Райт акцентирует внимание на том, что его: «учение разрушает мир. Ты учишь любви, а вызываешь ненависть. Ты сеешь мир, а вырастает вражда. Ты проповедуешь братство, а заостряешь раздор... Давая одним, ты этим самым отбираешь у других... что для одних добро, то для других есть зло. А следствием этого является бедность, самоубийства, преступность, безверие, разврат...». Так как основополагающей темой в драме является тема расщепления лжи, то и призыв к самоубийству представлен героиней В. Винниченко как возможность спасения веры. Хотя Амару сложно представить сие явление, из чего и возникает его вопрос: «Ложью можно спасти веру и счастье?»¹.

В итоге Амар сломлен, подавлен новым видением будущего Кэт и в последней проповеди, обращаясь к человечеству ради обретения счастья он призывает положить на алтарь все, что можно, даже правду.

В романе Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» в главе «Великий инквизитор» изображен инквизитор – девяностолетний старец, доказывающий узнику (вновь явившемуся Христу) о напрасности Его пришествия, ведь Тот мешает своими деяниями установить царствие Божие на земле. Инквизитор говорит о пагубности правдивых деяний Христа, убеждает, что людям необходима иллюзия справедливости и чистоты веры, но никак не сам Христос и приговаривает Его к смерти – сожжению на костре. Однако после поцелуя Христом Великого инквизитора «в бескровные девяностолетние уста» приговор меняется. Инквизитор отворяет двери темницы выпуская на свободу Иисуса, говоря: «Ступай и не приходи более... не приходи вовсе...никогда, никогда!»². Данный сюжет модернизируется В. Винниченко, ведь в XX в. уже невозможно безнаказанно отпустить Мессию, по всем законам жанра Он должен умереть.

В своих экспериментах над человеческим сознанием и необходимым выбором В. Винниченко удалось изменить в умах людей миссию Мессии, который умудрился экспериментировать над Вторым Пришествием и одновременно стал экспериментуемым. Психологическое давление со стороны Кэт приводит к тому, что Амар вынужден покориться ее воле, отказавшись от своих идеалов и целей. Он утрачивает свою ценность, теперь его вера – лишь сомнительная идея душевного освобождения человечества – телесная свобода.

Для Кэт, Амар после физиологического контакта утрачивает функции Мессии, пророка, лидера, и становится обычным человеком, которого можно использовать, для достижения своих корыстных интересов. А отсутствие в Амаре Божественности по ее убеждению убило в ней и

¹ Винниченко В. Твори в 2-х т. – Т. 2. – К., 2000. – 298 с.

² Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: «АСТ», 2007. – 510 с.

саму веру в Бога. Вобрав в себя функции управленца человеческими эмоциями, она подчиняет себе Амара, психологически воздействуя на него заставляет совершить самоубийство, которое впоследствии он для себя сможет оправдать.

Кэт – современная миллионерша предавшая своего Мессия, а по сути и само учение Христа, да и Его самого передает Его в руки палачей и без зазрения совести продолжает строить планы на свою дальнейшую щасливую жизнь. Такой подход к апокрефической теме был достаточно новым и экспериментальным не только для христианства в целом, но и для самой литературы.

В драме «Пророк» В. Винниченко представлен опыт участия автора в революционных событиях. Увидеть циничность, алчность и безумие современного мира ему помог жизненный опыт, ведь будучи в эмиграции он жил в разных Европейских странах и смог изнутри изучить специфику жизненного устроения тех стран. Основными критериями развития общества в этих странах были максимальное обогащение и телесное (плотское) удовлетворение.

Явственным в драме является желание капиталистических элит услышать и впитать голос правды посредством веры в деяния и предзнаменования Великим Учителем новой жизни. Однако они не смогли принять Его истины. Даже ниспосланный пророк Амар стал рекламным проектом в руках утопающей в грехах цивилизации, которая использовав его, выкинула на помойку истории отказавшись от предлагаемого очищения общества и идей лучшей жизни, основанных на достижении счастья и гармонии с окружающим миром. Пожертвовав собой Амар так ничего и не добился, а сама драма, спроецированная на лучшее будущее, несет в себе элементы антиутопического развития мира.

Таким образом творчество В. Винниченко представляет собой совершенно новый подход к осмыслению действительности посредством литературных произведений с ярко выраженным изменением восприятия действительности и использованием новаторских форм в решении тех или иных сюжетных задач. Следует отметить и тот факт, что в канву мессианской тематики вошли новые методы. Так символистский художественный метод трансформировал образ Библейского Пророка в лидера нового времени. И наконец, само переосмысление пророческого видения будущего представлено в драме В. Винниченко «Пророк» от надломленного Мессии – к Псевдомессии – и большому обществу, отказавшемуся от спасения, ради земных благ. Отказавшись от своего Спасителя общество ждет неминуемая гибель, хотя этот путь оно выбирает для себя самостоятельно, а в этом пути В. Винниченко и видит развитие цивилизации будущих поколений.

Литература:

1. *Винниченко В.* Твори в 2-х т. – Т. 2. – К., 2000. – 298 с.
2. *Винниченко В.* Анотована бібліографія (Упорядник В. Стельмашенко). – Едмонтон, 1989. – 147 с.
3. *Гусар-Струк Д.* Винниченкова моральна лябораторія// Сучасність, 1990. № 7–8. С. 27–33.
4. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. – М.: «АСТ», 2007. – 510 с.
5. *Куліш М.* П'єси. – К.: Наукова думка, 2001. – 368 с.
6. Літературознавчий словник-довідник/ *Р.Т. Гром'як, Ю.І. Ковалів* та ін. – К.: ВЦ «Академія», 1997. – 752 с.
7. *Танюк Л.* До проблеми української пророчої п'єси// Сучасність, 1992. № 2. С. 130–141.

References:

1. Vynnychenko V. Tvory v 2-h t. [Works in 2 volumes]. T. 2. K., 2000. 298 s. (In Ukraine)
2. Vynnychenko V. Anotovana bibliografija [Annotated bibliography]. (Uporjadnyk V. Stel'mashenko). Edmonton, 1989. 147 s. (In Ukraine)
3. Gusar-Struk D. Vynnychenkova moral'na l'jaboratorija [Vynnychenko's moral laboratory]. Suchasnist'. 1990. № 7–8. S. 27–33. (In Ukraine)
4. Dostoevskij F. M. Brat'ja karamazovy [Karamazov brothers]. «AST» Moskva, 2007. 510 s. (In Russian)
5. Kulish M. P'jesy [Plays]. K. : Naukova dumka, 2001. 368 s. (In Ukraine)
6. Literaturoznavchyj slovnyk-dovidnyk [Literary dictionary-reference book]. R. T. Grom'jak, Ju. I. Kovaliv ta in. K. : VC «Akademija», 1997. 752 s. (In Ukraine)
7. Tanjuk L. Do problemy ukrai'ns'koi' prorochoi' p'jesy [To the problem of the Ukrainian prophetic play]. Suchasnist'. 1992. № 2. S. 130–141. (In Ukraine)

**DISTOPIAN VISION OF THE DOOM OF THE MESSIAH IN THE CONSUMER SOCIETY
(BASED ON THE MATERIAL OF DRAMA «THE PROPHET» BY V. VINNICHENKO)**

Mokrentsov D.S.

*Candidate of Philology Sciences, Associate Professor Humanities and Education Science Academy (Branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University
yaschik_pandory@ukr.net*

Annotation: *In times of moral and social cataclysms in society, there will certainly be an interest in exceptional individuals who possess supernatural abilities. The protagonist of the drama, Amar is an extraordinary man who inspired social psychosis at the masses, decided to take on the complex role of the latter-day Messiah – the spiritual, moral and physical physician of weary humanity. Amar really possesses unusual, inaccessible to mankind capabilities: he could move a rock by force of energy thought, stop cars, remove electric current on a mortal chair, while remaining alive and unharmed.*

The playwright showed the tragedy of a man who dared to assume the role of the vicar of God on earth, the mission of redrawing the established social norms of coexistence. Amar although an extraordinary man, but at times he is angry, and expresses his ambitions, in the end, the carnal passions are also not indifferent to him.

The play «The Prophet», which was written during the period of socially moral cataclysms, is a kind of drama and parable about a man's wandering in the labyrinths of earthly life, his tragic mistakes in spiritual and moral choices, in search of social and ethical harmonies, social ideals. This is also the confession of the author about actually painful knowledge of truth. The drama «The Prophet» is a testimony to the attainment of the enormous mastery of the pinnacle of world modernism in the genre of socially-psychological, political drama. So, not without reason the «Prophet» is also seeing like the dystopian drama.

According to the poetics of expressionism, the dominant subjective understanding of the world, the prophet's suicide motive becomes part of the motive of suicide of the world, of experience, with the victory of evil, which is the primary identity with one or another kind of Satan. V. Vinnichenko preserves the European type of thinking. This is indicated on the traditional view of the image of the modern tempter: proving the prophecy that he is accustomed, he habitually brings evil to humanity, despite the modern paradoxical argument of evil as good. After all, faith that built on the preservation of illusions will not be stable.

Being dissolved in people, the Prophet ceases to be a prophet. This is the drama and greatness of Vinnychenko's Amar. As long as he is in his own, while he cares about humanity, and not about human, he is the voice of God. But should he get off the transcendental heights in the field of one person, to ordinary human's love, to lose his virtue, to fall, as God deprives him of his mercy. And Amar has nothing to do but the same Big Goal, but now irrevocably lost, to succumb to the all-powerful technocracy and its hypocritical plans.

The experimental dramaturgy of the writer remains so to the end: not only his Messiah doing another experiment with the Second Coming, but the author is also doing an experiment with him – from technical to psychological.

For Ukrainian culture, ideological fanaticism was borrowed to a lesser extent, as evidenced by the early plays of Vinnychenko, where only surnames were Ukrainian. Ukrainian type of prophet – the prophet «out of love». Vinnichenko's prophet Amar is also perishes for the love of people, and asks blessings his mistress Kat. Therefore, this Eastern prophet, involved in the «American» plot, has more outlined domestic national features than the characters of the previous plays of the playwright.

Keywords: *utopia, dystopia, prophet, ideological prophecy, play, drama, messianism, Messiah*

Для цитирования: Мокренцов Д.С. Антиутопическое виденье обреченности мессии в потребительском обществе (на материале драмы В. Винниченко «Пророк») // Архонт, 2021. № 1(22). С. 106-113.